

Литературные герои читают Достоевского

О. Н. Турышева
Екатеринбург, Россия

Аннотация. Предметом статьи являются две зарубежные новеллы, посвященные читателям произведений Достоевского. В обоих произведениях в изображении читательского поведения подчеркивается его подражательность: герой новеллы Г. Деледды «Заблуждение» идентифицирует себя с Раскольниковым, героиня новеллы Г. Айзенрайха «Приключение как у Достоевского» — с «положительно прекрасным человеком» Достоевского. В обоих случаях идентификация с литературным героем имеет негативные последствия. Однако ценой рефлексивного усилия герои преодолевают власть литературного образа, открывая тот факт, что реальную жизнь нельзя проверить литературной схемой. Материал рассматривается с точки зрения его значения для понимания характера юношеской рецепции.

Ключевые слова: Г. Деледда, Г. Айзенрайх, юношеское чтение, идентификация с литературным героем, Достоевский в зарубежной литературе, герой-читатель.

O. N. TURYSHEVA. *Literary heroes read Dostoyevsky*

Abstract. The subject of the article are two foreign novels devoted readers of Dostoevsky's works. In both works, the image of the reader's behavior is underscored by its imitation: the hero of the novel G. Deledda «Delusion» identifies himself with Raskolnikov, the heroine of the novel G. Ayzenrayha «Adventure as Dostoevsky» — with «positively beautiful man» Dostoevsky. In both cases, the identification with the literary character has negative consequences. However, the price of a reflexive effort heroes overcome the power of the literary image, revealing the fact that real life can not believe the literary circuit. The material considered in terms of its importance for understanding the nature of the youth reception.

Keywords: G. Deledda, G. Ayzenrayh, youthful reading, identification with the literary hero, Dostoevsky in foreign literature, the hero-reader.

Среди персонажей литературных произведений, изображенных в процессе чтения или осмысления прочитанного, читатели Достоевского встречаются не так редко. Предлагая учителю литературы обратить внимание на этот факт, мы хотели бы поставить проблему специфики юношеского восприятия произведений русского классика. Повествовательная литература, описывающая опыт чтения Достоевского, дает достаточный повод для подобных умозаключений. Причем художественный материал представляется не менее ценным для понимания сути тех процессов, которые отличают подростковое чтение, нежели социологические исследования психологии юношеского восприятия.

С другой стороны, обращение к произведениям такого рода позволяет получить представление не только о характере возможного отклика юных читателей Достоевского, но и о тех опасностях, которыми может быть чревато недостаточное понимание столь сложного в эстетическом и философском плане литературного материала. А ознакомление самих учеников с литературными историями о читателях Достоевского может быть полезным с той точки зрения, что очевидно поспособствует формированию рефлексии юного читателя не только в отношении идей и поступков литературных героев, но и в отношении своих собственных реакций на образы и идеи русского романиста. Рефлексивный навык такого рода представляется очень важным в виду того, что позволяет скорректировать некоторые чисто возрастные особенности.

Как известно, подростковое чтение — это чтение, нацеленное на самоузнавание и взыскующее права на самооправдание и опору. В поисках своего собственного образа юный читатель нередко переживает прочитанное как источник готового и универсального опыта, а потому — как руко-

водство к действию, к оформлению собственного поступка и переживания по модели поступка и переживания литературного героя. В этом плане юный читатель всегда читатель «слабый», легко поддающийся суггестивному воздействию со стороны художественного языка. Именно так — как нерелексивное подчинение власти литературного текста и выстраивание по его «инструкциям» собственной жизненной практики и собственного взгляда на вещи — описывал особенности «слабого» чтения автор данного понятия Харольд Блум [Блум 1998]. Правда, американский критик распространял это определение не только на юношеское чтение. Но последнее, что очевидно, в большей степени подвержено идентификационным ожиданиям и оттого особенно отличается миметическими, подражательными установками [Жабицкая 1974, Никифорова 1972, Маранцман 1986, Леонтьев 2002, Марголин 2012, Jauss 1982]. Если же говорить о чтении Достоевского, то следует признать, что роман «Преступление и наказание» является одним из самых сильно воздействующих на эмоциональную сферу юного читателя произведений [см., например: Касаткина]. Известны случаи прямого подражания Раскольникову со стороны идентифицирующих себя с ним подростков. По этой причине со стороны составителей школьных программ по литературе даже раздавались предложения изъять этот роман из курса школьного обучения — чтобы воспрепятствовать возможному заражению идеей проверки собственной состоятельности в совершении преступления (хронологически последнее предложение такого рода принадлежит министру культуры РФ В. Мединскому, оно было сделано в рамках Петербургского международного культурного форума в декабре 2014 года, о чем сообщили самые разные информационные издания (см., например: <http://lenta.ru/news/2014/12/10/rashka/>)). Тем более важным для старшеклассника может быть знакомство с опытом читателей Достоевского, описанным в самой литературе.

В рамках данной статьи мы обратимся к двум текстам о читателях Достоевского. Герой одного из них заворочен образом преступника, герой другого — образом «положительно прекрасного человека». И хотя основания для идентификации разные, в обоих случаях власть литературного образа преодолевается рефлексивным усилием, энергией самосознания изображенного читателя.

Первый текст — новелла итальянской писательницы, лауреата Нобелевской премии Грации Деледды «Заблуждение» («Un'aberrazione» — 1901;

в единственном русском переводе 1906 года рассказ имеет название «Навеянное»). Героем новеллы является бедный студент Андреа Верре, болезненно переживающий свое незаконное происхождение, нищету и отсутствие жизненных перспектив. Описывая то, как он читает роман Достоевского «Преступление и наказание», Деледда анализирует феномен «слабого» чтения во всей совокупности обуславливающих его рецептивных механизмов. Это узнавание, идентификация и подчинение суггестивной власти литературного образа: Андреа Верре сначала с удивлением признает свое сходство с героем Достоевского, потом отождествляет себя с ним и, наконец, примеривает на себя его идею, готовя себя к ее воплощению. Герой принимает решение повторить жест Раскольникова и убить старую служанку своего отца, которую он считает непосредственной виновницей своего униженного положения (некогда она отговорила отца Андреа от женитьбы на его матери).

Это намерение описано в новелле как «наваждение» и морок, отменивший реальность его подлинного существования. Верре начинает видеть сны Раскольникова, мучиться его страданиями, неосознанно цитировать его размышления: «Каждое слово отдавалось в его сердце, точно голос в пустынном месте, и вызывало глубокие отзвуки... Ему чудилось, что он вернулся откуда-то издалека, из мира, ужасного по силе страданий, собственная жизнь нарисовалась перед ним во всем своем печальном ничтожестве, и он почувствовал себя еще более мелким, чем обыкновенно, жалким, мелочным существом, без страстей и гр... Долгие часы Андреа жил этой странной отраженной жизнью и позабыл действительность» [Деледда 1906: 105–106]. Таким образом, читатель Достоевского в новелле Г. Деледды изображен отнюдь не как носитель самостоятельного намерения, якобы возникшего в результате литературного потрясения, а как носитель навязанного произведением больного видения жизни, отчуждающего его от самого себя.

Однако в финале герой возвращается в свою реальность, преодолев власть «ужасного романа», «чудовищно гнетущего душу», как он в период выздоровления характеризует книгу Достоевского. И преодоление это свершается на путях постепенного расподобления с Раскольниковым. Первоначальная идентификация с героем Достоевского скоро, наоборот, оборачивается переживанием собственной малости перед его лицом. В результате меняется мотивация вынашиваемого им убийства: теперь им руководит не ненависть к старухе, сломавшей его

жизнь, а «странное» желание «реабилитации» перед лицом русского преступника. Недаром герой начинает колебаться в выборе своей жертвы («Лучше выйти утром, встретить незнакомое существо, мужчину или женщину, и убить это существо» [Там же: 116]): теперь им движет не стремление восстановить справедливость, а «безумие» собственного ничтожества по сравнению с литературным героем.

Конечно, в этом мотиве можно увидеть сходство в образах героев Достоевского и Деледды: тот и другой сравнивают себя с теми, кто способен переступить через кровь, присваивая последним величие и героизм. Однако нам хотелось бы акцентировать другой мотив, возникающий на почве этого подчеркнутого итальянской писательницей сходства. Это мотив конкуренции читателя с литературным героем, мотив соперничества, сменяющего первоначальную идентификацию с ним.

В финале новеллы Андреа Верре преодолевает искушение соперничества, также отказываясь и от циничного поступка: «Ему показалось, что он выздоровел от ужасной болезни» [Там же: 120]. Недаром новелла завершается словом героя о себе – словом, в рамках которого он дистанцируется от образа Раскольникова, принимая свою «другость»: «Я слаб, но моя сила заключается именно в этой слабости. Я никогда не сделаю зла, никогда, даже желая сделать его» [Там же: 120].

Интересно, что при повторном издании новеллы Деледда изменила ее название. В сборник «Igiuchidellavita» («Игра жизни», 1905) этот текст вошел под названием «Per riflesso» (в дословном переводе — «рефлексивно»). И. П. Володина, автор статьи о влиянии Достоевского на итальянскую литературу в сборнике «Достоевский в зарубежной литературе» (Л., 1978) переводит это название так: «Из-за рефлексии». Исследовательница считает, что Деледда таким образом «уточнила причину заблуждения» своего героя («Заблуждение», напомним, первоначальное название новеллы) [Володина 1978: 27–28]. Выскажем, однако, полемическое мнение: в изображении итальянской писательницы заблуждение Андреа Верре внерефлексивно, в его основе лежит иррациональное, идентификационное вчувствование в текст, следствием которого становится отказ от самостоятельной мысли и, что особенно парадоксально, подавление личного бессознательного (герой не только живет размышлениями Раскольникова, но и видит его сны). Рефлексия появляется, только когда герой начинает освобождаться от морока самоотождествления с героем Достоевского, когда он осознает свою отличность от него. Таким

образом, «из-за рефлексии» (а вернее, благодаря рефлексии) герой Грации Деледды восстанавливает свою идентичность, а не теряет ее под влиянием романа Достоевского (как считает И. П. Володина).

От ошибки идентификационного чтения рефлексия спасает и героиню новеллы австрийского писателя Герберта Айзенрайха «Приключение как у Достоевского» (1975) (о нем подробнее см.: История австрийской литературы XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2010. Т. 2. 573 с.). Правда, она давно вышла из подросткового возраста, однако ее рецепцию отличают все черты юношеского восприятия: переживание сюжетов и образов Достоевского в ее случае также носит подражательный характер и также непосредственно (то есть вне посредничества рефлексивных усилий) формирует ее поступок. Причем поступок отнюдь не бескорыстный, а осознанно нацеленный на удовлетворение собственного эгоизма (как и в случае, описанном в новелле Г. Деледды).

Услышав на улице просьбу молодой девушки о милостыне, безымянная героиня Г. Айзенрайха сразу опознает литературный потенциал ситуации: она чувствует себя втянутой «в нечто такое, чего до сих пор еще не испытывала, о чем только читала, — в приключение, как у Достоевского!» [Айзенрайх 1981: 454]. В порыве самоотождествления с сострадательными героями русского писателя героиня приглашает девушку в ресторан, принимая ее робкие попытки отказа за выражение стеснения и испуга. Причем движет героиней откровенно эгоистический интерес. В сострадании по литературной модели она надеется, во-первых, пережить удовлетворение собственным гуманизмом, а во-вторых, преодолеть мучительное чувство утраты самоидентичности. Не решившись на дорогой подарок мужу, она «по собственной воле очутилась в каком-то низменном, неподобающем ей положении», что заставило ее почувствовать себя «бесконечно несчастной». В этой ситуации «полной сумятицы чувств» и «ощущения неблагополучия» неожиданную просьбу о помощи героиня воспринимает как «шанс возместить себе» утрату чувства собственного достоинства. Бедную девушку она воспринимает как «редкостную, бесценную добычу, которую счастливый случай прямо-таки отдал ей в руки», чтобы «заполнить горестный провал» в чувствах [Там же: 455]. Цитация высокого сострадательного поступка, таким образом, расценивается героиней как возможность преодоления унижительного эпизода, засвидетельствовавшего ее «мелочность и черствость». Воспринимая подражание «положительно прекрасному человеку»

Достоевского как форму искупления, героиня и своей просительнице присваивает статус литературного персонажа: жертвуя ей свое внимание, время и деньги, она ожидает исполнения литературной схемы, в которой за благотворительностью дарителя обязательно должна последовать благодарная исповедь одариваемого.

Однако в своих ожиданиях героиня терпит неудачу: из-за неожиданного сопротивления и бегства девушки ей не удастся осуществить роль из Достоевского. Как выясняется в ходе повествования, та незначительная сумма, о которой просила героиню бедная девушка, нужна была ей вовсе не «на кусок хлеба», а на трамвай и перронный билет, чтобы попасть на вокзал и проводить своего друга, с которым она была разлучена злой волей опустившегося родителя. Но, боясь отказа, девушка обратилась к незнакомке с обманной просьбой и, попав «в тиски ее благотворительности», упустила последнюю возможность встречи с любимым. Так благотворительное намерение героини воплощается в невольном, но разрушительном акте. Цитация, которой она была одержима в стремлении компенсировать собственную недостаточность, разрушает саму возможность диалога, понимания и помощи.

Впрочем, «приключение как у Достоевского» не удалось только на первый взгляд: цитата, жестоко-неуместная по отношению к просительнице, в отношении самой героини оказывает благотворное воздействие. В конце действия она признается себе в глубокой ценности и значительности происшествия, в котором она, казалось бы, потерпела фиаско. Пройдя через искус примитивного раздражения и злобы по поводу бессмысленно потраченных усилий и осознав непроницаемость чужой судьбы для постороннего, эгоистически заинтересованного взгляда, героиня переживает катарсическое просветление. «Литературное приключение», пусть и закончившееся вопреки «читательским» ожиданиям героини, осмысливается ей как способ «обретения истинного опыта», подлинного знания о себе, подлинного знания о другом и как способ обновления, начала «новой жизни». «Она плакала, уткнувшись лицом в колючий шерстяной платок, понимала, что домашние это заметят, но не могла остановиться и продолжала тихо и беззвучно плакать по дороге домой, она плакала в постели, со слезами уснула и со слезами начала новый день, новую жизнь, в которой очутилась с пустыми руками — и тем богаче» [Айзенрайх 1981: 462]. Катарсис героини многоосмысленен, но преодоление наивной веры в возможность перенесения литературной роли в жизнь

составляет его очевидный элемент. Кроме того, в основе финального переживания лежит и обретенное понимание того, что эгоистическое вторжение в чужую жизнь, пусть и под маской благотворительного поступка, не заслуживает никакой благодарности, а справедливо влечет за собой сопротивление. Неудачное воплощение литературного опыта, став предметом рефлексии героини, открывает для нее дверь в новую, умудренную жизнь.

Выскажем предположение о том, что знакомство старшеклассников с одним из этих текстов может быть продуктивным в плане понимания ими того, что русская литература (и Достоевский особенно), с одной стороны, подразумевая в читателе объект эстетического воздействия, в то же время понимает рецептивную деятельность как деятельность, сочетающую в себе как эмпатию герою, так и сохранение свободной рефлексивной позиции. Инфантильное вживание в героя и тем более стремление воспроизвести в жизни литературную схему, проверить ее действенность, неизбежно оборачивается поражением. От горького разочарования и непоправимого поступка героев проанализированных новелл спасает только усилие самостоятельной, бескомпромиссной по отношению к себе самому мысли. В целом же обе новеллы посвящены важнейшей в плане формирования читательской культуры теме — теме ответственности читателя — как перед самим собой и перед ближними, так и перед литературным текстом.

ЛИТЕРАТУРА

- Айзенрайх Г.* Приключение как у Достоевского // Австрийская новелла XX века. М.: Худож. лит., 1981. — С. 450–462.
- Блум Х.* Страх влияния. Карта перечитывания. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. — 351 с.
- Володина И. П.* Достоевский и итальянская литература XIX-начала XX в. // Достоевский в зарубежной литературе. Л.: Наука. — С. 5–36.
- Деледда Г.* Навянное // Вестник иностр. лит. 1906. Июль. С. 99–120.
- Жабицкая Л. Г.* Восприятие художественной литературы и личность. Кишнев: Штиинца, 1974. 134 с.
- История австрийской литературы XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2010. Т. 2. — 573 с.
- Касаткина Т. А.* Восприятие Достоевского в XXI веке. Лекция // URL: <http://www.youtube.com/watch?v=sZYxxJenO04> (дата обращения 12.03.2015).

Леонтьев Д. А. Самоактуализация как движущая сила личностного развития: историко-критический анализ // Современная психология мотивации / под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. — С. 13–46.

Маранцман В. Г. Труд читателя: от восприятия литературного произведения к анализу М.: Просвещение, 1986. — 128 с.

Марголин У. От предикатов к людям, похожим на нас. Типы читательского восприятия литературных

персонажей. Перевод с англ. // Narratorium. Электрон. журнал. 2012. № 3. // URL: <http://narratorium.rggi.ru/> (дата обращения: 10.03.20115).

Никифорова О. И. Психология восприятия художественной литературы. М.: Книга, 1972. — 152 с.

Jauss H.-R. Ästhetische Identifikation: Versuch über den literarischen Helden // Ästhetische Erfahrung und literarische Hermeneutik. Frankfurt, 1982. — P. 44–292.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Турышева Ольга Наумовна — доктор филологических наук, профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Адрес: г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51, к. 302

Эл. почта: oltur3@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Turysheva Olga Naumovna, Doctor of Philology, Professor, Ural Federal University.